

УДК 398.1

DOI 10.25587/2222-5404-2024-21-3-111-118

Генеалогические предания в текстах хори-бурятских исторических хроник XIX–XX вв.

З. А. Дебенова

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия

✉ debenova@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрены особенности использования элементов генеалогических преданий в хоринских летописях XIX–XX вв. Материалами исследования выступают тексты семи исторических хроник, посвященных истории этнической группы хори. В качестве методологической базы исследования применяются структурный и интертекстуальный анализы, а также исследование феномена исторической памяти Я. Ассмана. Установлено, что существуют две основные тенденции включения генеалогических сюжетов в повествовательную канву летописных сочинений: в самом начале повествования образы Баргу-батара и Хоридоя сакрализуются, маркируя начало истории хоринцев, и начинается сюжет после рассказа о династии тибетских и монгольских правителей, где родоначальники представляются как реальные исторические личности, а сами сюжеты являются связующим звеном между историей хоринцев и индо-тибетского (буддийского) и монгольского мира. Прослеживается вариативность в образах Баргу-батара: он может представляться как человек, связанный с Монголией (сановник монгольского правителя, «монгольский», родом из Монголии), либо как некто сильный, могущественный, без каких-либо дополнительных обозначений его этнической или территориальной принадлежности. Также образ Баргу-батара влияет и на сюжетную составляющую сочинения. В образе Хоридоя вариативность проявляется в меньшей степени. Циклизация на основе генеалогических сюжетов о Баргу-батаре и Хоридое является общим стержнем всех хоринских летописей, а их образы – символами идентичности и опорными пунктами воспоминания для данной этнической группы. Через фольклорные предания в летописях реализуются идеи либо об исторической связи группы хори с буддийским миром, либо об их исключительной самостоятельности.

Ключевые слова: бурятские исторические хроники, бурятская литература, бурятский фольклор, несказочная проза, бурятские генеалогические предания, история хори-бурят, историческая память, этногенез хори-бурят, Баргу-батор, Хоридой.

Для цитирования: Дебенова З. А. Генеалогические предания в текстах хори-бурятских исторических хроник XIX–XX вв. *Вестник СВФУ*. 2024, Т. 21, № 3. С. 111–118. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-3-111-118

Публикация подготовлена в рамках государственного задания (проект №121031000302-9 «Памятники письменности народов России и Внутренней Азии на восточных языках и архивные документы XVIII–нач. XXI вв. в контексте межкультурного взаимодействия»).

Genealogical legends in the texts of Khori-Buryat chronicles of the 19th-20th centuries

Z. A. Debenova

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS, Ulan-Ude, Russia

✉ debenova@gmail.com

Abstract. The article examines the specificities of using elements of genealogical legends in the historical chronicles of Khori buryats written the 19th-20th centuries. The materials of the study are the texts of seven chronicles dedicated to the history of the Khori ethnic group. Structural and intertextual analysis, as well as the study of the phenomenon of historical memory by J. Assmann are used as a methodological basis for the study. It has been established that there are two main trends in the inclusion of genealogical plots in the narrative canvas of chronicle works: at the very beginning, where the images of Bargu-Bator and Khoridoy are sacralised, marking the beginning of the history of the Khori people, and placing the plot after the story about the dynasty of Tibetan and Mongolian rulers, where the founders are presented as real historical figures, and the plots themselves are a link between the history of the Khori people and the Indo-Tibetan (Buddhist) and Mongolian world. There is a high variability in the image of Bargu-Bator: he can be presented as a person connected with Mongolia (a dignitary of the Mongolian ruler, "Mongolian", originally from Mongolia), or as someone strong, powerful, without any additional designations of his ethnic or territorial affiliation. The image of Bargu-Bator also influences the plot component of the work. Cyclisation based on genealogical plots about Bargu-Bator and Khoridoy is the common core of all the Khori chronicles, and their images are symbols of identity and reference points for this ethnic group. Through folklore legends, the chronicles implement ideas either about the historical connection of the Khori group with the Buddhist world, or their exceptional independence.

Keywords: Buryat historical chronicles, Buryat literature, Buryat folklore, fabulous prose, Buryat genealogical legends, history of the Khori-Buryats, historical memory, ethnogenesis of the Khori-Buryats, Bargubaatar, Khoridoy.

For citation: Debenova Z. A. Genealogical legends in the texts of Khori-Buryat chronicles of the 19th-20th centuries. *Vestnik of NEFU*. 2024, Vol. 21, No. 3. Pp. 111–118. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-3-111-118
The publication was prepared under the state assignment (Project No. 121031000302-9 'Monuments of writing of the peoples of Russia and Inner Asia in Oriental languages and archival documents of the XVIII-early XXI centuries in the context of intercivilisational interaction').

Введение

Генеалогические предания как самостоятельный жанр несказочной прозы существуют в устных традициях многих мировых культур. Общеизвестно, что для монголызычных кочевых народов родовая община была (и в некоторой степени продолжает оставаться) фундаментом для построения общества, что определяет исключительную важность кровнородственных связей, так как многие сферы жизни регулировались строгими правилами семейной иерархии. Подобный порядок также проявляется и в историографической традиции монголов, которая на протяжении долгого времени имела «родовой» характер: информация о событиях прошлого так или иначе связывалась с историческими сведениями об общих предках и передавалась в устной форме среди представителей этнических групп, таких как племя или род. Таким образом, генеалогические (в научной литературе также именуемые как родовые, родословные) предания, наряду с историческими, выполняли информативную функцию, а с развитием письменной

традиции нашли свое отражение и в бурятских исторических сочинениях – хрониках или летописях.

Вопрос об интертекстуальных связях фольклорных сюжетов и летописных сочинений представляется актуальным для современного бурятоведения. Прежде он затрагивался в монографическом исследовании Ц. Б. Цыдендамбаева, посвященном бурятским историческим хроникам [1], а также в работе А. Б. Соктоева [2] о дореволюционной литературе бурят. Так, Ц. Б. Цыдендамбаев в своей работе фокусирует внимание на вопросе этногенеза бурят и достоверности используемых в летописях преданий, а также интерпретаций образов Баргу-батара, Хоридоя и прочих упоминаемых в текстах личностей. А. Б. Соктоев же в свою очередь делает акцент на споре и полемике между «дописменным» и «писменным» видением истории, которые отражаются в летописных сочинениях.

Целью данного исследования является определение прагматики генеалогических сюжетов в летописной традиции хори-бурят XIX–XX вв. в контексте их функциональной значимости и места в исторической памяти бурят.

Задачи исследования:

- 1) проанализировать место генеалогических преданий в повествовательной структуре хоринских летописей;
- 2) рассмотреть присущие для подобных сюжетов элементы вариативности, определить их содержательные отличия и закономерности;
- 3) выявить роль генеалогических преданий в исторической памяти хори-бурят.

В качестве материалов исследования привлекаются следующие тексты: опубликованные «Доклад о происхождении одиннадцати хоринских родов» Доржо Дарбаева (1839) [3], «Сочинение о происхождении народности, называемой Хори» Аюуши Саагиева (1843) [4], «Прошлая история хоринских и агинских бурят» Тугулдура Тобоева (1863) [3], «История происхождения одиннадцати хоринских родов» Вандана Юмсунова (1875) [3], «История одиннадцати хоринских родов, входящих в бурятскую народность» Шираб-Нимбу Хобитуева (1887) [5], анонимный «Ацагатский очерк о хори-бурятах» (20-е гг. XX в.) [6], а также неопубликованная летопись Даши Бубеева «Краткий очерк истории хоринских бурят»¹ (точная дата составления неизвестна, примерная дата – после 1936 г. [7]). Выполнение поставленных задач требует обращения к методологии структурного и интертекстуального анализа, а также теоретическому исследованию исторической памяти Я. Ассмана [8].

В настоящей статье речь пойдет о трех распространенных генеалогических мотивах, которые в хоринской устной традиции могут встречаться и как три самостоятельных сюжета, и как части одного целостного повествования: это предание о трех сыновьях Барга-батара (варианты: *Барга*, *Барга-батор*, *Баргу-мэргэн*, *Баргу-дайчин-нойон*), младший из которых по имени Хоридой (варианты: *Хоредой*, *Хоридай*, *Хоридой-мэргэн*) становится родоначальником племени Хори; сюжет тотемистического характера, в котором Хоридой встречает волшебную девушку-лебедицу, впоследствии ставшую его женой и матерью одиннадцати хоринских родоначальников; а также сюжет о трех сыновьях Баргу-батара, от которых произошли три этнические группы – ойраты, буряты и хори. Как мы увидим далее, элементы всех трех сюжетов в той или иной форме нашли свое отражение в летописях.

Бурятские летописи как источники, фиксирующие устную традицию

А. Д. Цендина отмечает, что «генеалогическое» видение прошлого является одной из черт архаичного словесного искусства монголов и характерно для монгольской литературы в целом, начиная с XIII в. и вплоть до конца XIX – начала XX вв. [9]. Это утверждение может быть применено и к бурятской литературе, и, в частности, к историческим хроникам бурят, что подтверждается активным включением элементов генеалогических преданий в их повествовательную канву.

¹ qori mongyol buriyad ulus-un quriyangyui teüke orusibai: рукопись. ЦВРК ИМБТ СО РАН: М-1-34.

К бурятским летописным сочинениям в научной литературе принято относить разнообразные произведения: доклады, записки, очерки, краткие истории и т. д., которые могут сильно отличаться друг от друга по структуре, объему и содержанию. Объединяет все эти произведения основная цель их составления – повествование об историческом прошлом и, как следствие, конструирование памяти, а также формирование культурной идентичности у определенной этнической группы.

Авторами бурятских исторических хроник были преимущественно чиновники из Хоринской, Агинской, Селенгинской и Баргузинской степных дум – органов местного самоуправления бурят, функционировавших на территории Российской империи в 1822–1903 годах. Они опирались в первую очередь на широкий спектр письменных источников, среди которых документы из канцелярий степных дум, инородных управ, дацанов и т. д. Тем не менее помимо письменных документов авторами также активно использовались и фольклорные материалы, в первую очередь бурятские легенды и предания, что определяет синкретическую природу летописей и делает их не просто литературными произведениями, но и источниками, фиксирующими устную традицию. Причем народные повествования всегда включались с какой-либо определенной целью, как отмечал Ц. Б. Цыдендамбаев, говоря о хоринской летописной традиции: «Надо отдать должное хоринским летописцам, которые не только использовали народные легенды, но и стремились в известной мере дополнить или даже переработать их, исходя из требований своего времени» [1, с. 182]. Далее мы предпримем попытку проанализировать прагматику родословных преданий с опорой на их расположение в структуре летописных произведений, а также вариативности рассматриваемых сюжетов.

Место предания в структуре хоринских летописей

Отличительной чертой всех летописных сочинений является хронологический принцип повествования, отчасти определивший другое расхожее название жанра – хроники. Исторические события авторами хроник описываются с самых ранних времен, как правило, с момента происхождения этноса (рода, племени и т. д.) до времени жизни составителя. Таким образом, в зависимости от расположения рассматриваемого сюжета в летописных текстах можно предположить, как автор соотносит народную память и реальное историческое время, а также каких целей он пытается достигнуть подобным включением.

Рассматривая данный вопрос, можно выделить две основные тенденции. В первом случае повествование в летописи начинается собственно с жизни Барга-батора, являющейся начальной точкой отсчета истории хори-бурят. Например, в докладе Д. Дарбаева, который состоит из трех самостоятельных текстов, интересующий нас сюжет инкорпорирован в самое начало повествования в каждом из них: «Хоринцы ведут происхождение от Баргу-дайчина...» [3, с. 170], «Хоринский народ произошел в древности от лебеда... Существует легенда-предание о том, что от человека по имени Хоридой родились 11 сыновей. Хоридой был младшим сыном Баргу» [3, с. 172], «В давнее время жил один человек... по имени Баргу-батор» [3, с. 174]. То же самое наблюдается и в летописи Тугулдура Тобоева, где уже во втором предложении говорится: «Выясняем нижеследующее: младшим из трех сыновей Баргу-батор-дайчин-нойона монгольских двух тумэтов был Хоридай мерген...» [3, с. 5]. «Ацагатский очерк» неизвестного автора также начинается с пересказа двух версий о происхождении хоринцев: «В незапамятные времена прославленный стрелок могучий богатырь Баргу, добрый молодец по имени Баргуд-батор... обосновался на острове солнечной реки Байкал» [6], «В старые времена прославленный могучий Баргу-Батор, или Баргуд, нашел в тумане жену Будан-хатан...» [6, с. 194]. При этом автор оставляет следующий комментарий: «Вот такие пустые небылицы старины я решил включить в свое повествование» [6, с. 193]. «Краткий очерк» Даши Бубеева также начинается со слов о Баргу-баторе и его младшем сыне Хоридое:

«У младшего из трех сыновей монгольского Баргу-батара дайчин нойона по имени Хоридой было три жены...»² (перевод мой – З. Д.).

Авторское включение фольклорного сюжета в самое начало истории своей этнической группы в летописном произведении, на наш взгляд, призвано подчеркнуть их самостоятельность и «отдельность» в рамках монгольского мира. Помимо возведения Баргу-батара и Хоридоя в родоначальники, характерно употребление таких слов и выражений: «древность», «давнее время», «незапамятные времена», «ведут происхождение», «старые времена», а также использование образа тотемной праматери-лебедицы. Подобные маркеры придают образам первопредков сакральность, подчеркивают вымышленность повествования в контексте исторического сочинения, что может иногда напрямую прописываться автором (например, как в «Ацагатском очерке»). Тем не менее, несмотря на акцентированную нереальность и определенную сказочность таких сюжетов, в данных примерах истоки реальной истории связываются со знакомыми образами, что в контексте летописи определяет их как отдельную группу.

Вторая тенденция заключается в размещении рассматриваемого генеалогического сюжета в исторический период до появления Баргу-батара, и в таких случаях начало истории хоринцев связывается с линией индо-тибетских и монгольских правителей. Так, в летописи Аюуши Саагиева первая часть сочинения под названием «Монгол хаашуулай домог» («Легенда о монгольских правителях») полностью посвящена родословной монгольских ханов, история которой практически в точности повторяет содержание первых параграфов «Сокровенного сказания монголов». Примечательно, что в тексте данной летописи предки Чингис-хана Борте-Чино и Гоа-Марал, также упоминаемые в «Сокровенном сказании» [10], имеют тибетское происхождение, а Хоридой-мэргэн приравнивается к Хорилартай-Мергену из «Сокровенного сказания» [10]. Имя Барга-батара же встречается только во второй части произведения под названием «Хори зоной уг гарбал» – «Происхождение народа Хори» [4]. Аналогичная схема прослеживается и в летописи В. Юмсунова, где Баргу-батор впервые упоминается лишь после повествования о династии тибетских царей, причем здесь его личность также имеет непосредственное отношение к Тибету. Подобной схемы изложения также придерживается и сочинение Ш.-Н. Хобитуева. Стоит отметить, что в данном произведении интересующее нас генеалогическое предание, во-первых, приведено в его менее распространенном варианте (у Баргу два сына, а не три), а во-вторых, ему уделяется относительно мало внимания на фоне повествования об истории распространения буддизма.

В приведенных выше примерах генеалогическое повествование о Баргу-батаре и Хоридое – не начальная точка отсчета истории хоринцев, а лишь ее эпизод. Подобное расположение снимает с образов Баргу-батара и Хоридоя их легендарный статус родоначальников, почитаемых первопредков, делая их реальными историческими личностями. О манере устанавливать родственные связи монгольских правителей с властителями Тибета и Индии писал Ц. Б. Цыдендамбаев, связывая ее с влиянием идеологии времени, целью которой было поднятие авторитета правящей верхушки у народа [1]. Исходя из этого, можно предположить, что анализируемые сюжеты использовались рядом авторов хоринских хроник как средство включения своей этнической группы в контекст тибетской (буддийской) истории, своего рода переходное звено, а упоминаемые в летописях знакомые образы и сюжеты призваны придать их версии исторических событий большую достоверность.

Вариативность образов Баргу-батара и Хоридоя

Помимо расположения сюжета в структуре повествования той или иной хроники, для анализа прагматики генеалогических преданий весьма показательным является то,

² qori mongyol buriyad ulus-un quriyangyui teüke orusibai: рукопись. ЦВРК ИМБТ СО РАН: М-1-34, Л. 1.

каким образом представляются упоминаемые в них образы, какими качествами они наделяются. Далее мы рассмотрим вариативность в упоминаемых в летописях образов Баргу-батора и Хоридоя.

Баргу-батор. Чаще всего Баргу-батор в хоринских летописях представляется как «монгольский», либо так или иначе связанный с Монголией и монгольскими правителями. Так, в первой и второй частях доклада Д. Дарбаева говорится: «... Баргу-дайчина, главного из трех сановников монгольского Алтан-хана» [1, с. 170], «В истории ханов упоминается человек – Баргу-Дайчин» [1, с. 172]. А. Саагиев: «В давнее время за двенадцать поколений до Чингиса в Монголии жил Добу Мэргэн. В то же время жил тумэтский дайчин ноён Барга Баатар» [4, с. 8] (перевод мой – З. Д.). Т. Тобоев: «...Баргу батор дайчин нойона монгольских двух тумэтов...» [3, с. 5]. Д. Бубеев: «У младшего из трех сыновей монгольского Баргу-батора дайчин нойона...» (перевод наш – З. Д.)³. Здесь примечательно, что в случае обозначения Баргу-батора как «монгольского» в тексте говорится лишь о его младшем сыне Хоридое, а старшие братья никак не упоминаются. Очевидно, что в этих случаях, с одной стороны, подчеркивается монгольское происхождение хоринцев, а с другой – через генеалогический сюжет и образ собственного предка Хоридоя в то же время реализуется идея об их отдельности, т. е. самобытности.

В одной из рассматриваемых нами летописях образ Баргу-батора непосредственно связан с Тибетом. Так, В. Юмсунов в «Истории происхождения одиннадцати хоринских родов» пишет: «...один из сановников <тибетского царя> по имени Барга батор тайсун нойон взял с собою младшего сына царя по имени Буртэ Шоно и бежал с ним...» [3, с. 37]. Здесь также находит отражение тенденция связывать историю хоринцев с Тибетом уже непосредственно через образ предка.

Также Баргу-батор может представляться как некто сильный, могущественный, при этом его этническая или территориальная принадлежность никак не обозначается, в отличие от случаев, упомянутых выше. Так, в третьей части сочинения Д. Дарбаева говорится: «В давнее время жил один человек, очень именитый, могущественный и богатый по имени Баргу-батор... Тот Баргу обладал самыми лучшими конями и множеством рабов и был, говорят, метким стрелком» [3, с. 174]. В Ацагатском очерке: «...прославленный могучий Баргу-батор, или Баргуд...» [6, с. 194]. У Ш.-Н. Хобитуева же герой не наделяется никакими качествами, и его принадлежность также никак не обозначается: «... у Баргу-батора, оставшегося в местности Баргузин...» [5, с. 236]. Во всех этих примерах далее в тексте обязательно приводится сюжет о трех братьях. Например, Д. Дарбаев полностью посвятил третью часть своего доклада повествованию, основанному на распространенном варианте предания, где сыновья Баргу-батора Оледэй, Буярадай и Хоридой разъезжаются по разным территориям, и впоследствии становятся предками ойратов, бурятов и собственно хоринцев [3]. Тот же сюжет используется и в Ацагатском очерке (с именами Улид, Бурид и Хорид) [6]. Примечательно, что в летописи Ш.-Н. Хобитуева также есть сюжет о братьях, но не о трех, а лишь о двух: Буряте и Хоридае. В таких примерах, во-первых, монгольское происхождение авторами хроник никак не упоминается (пусть и не отрицается), то есть не считается важной частью их идентичности как этнической группы. Во-вторых, в них ярко подчеркивается, что хори и буряты – это разные группы, имеющие общее происхождение, но не тождественные друг другу.

Хоридой.

Если Баргу-батор в бурятском фольклоре может представляться как предок всех бурятских родоплеменных групп, то образ Хоридоя всегда имеет непосредственное отношение к хоринцам. Некоторые исследователи считают, что этноним «хори» является производным от имени Хоридой, а в его образах не наблюдается высокой вариативности.

³ qori mongyol buriyad ulus-un quriyangyui teüke orusibai: рукопись. ЦВРК ИМБТ СО РАН: М-И-34, Л. 1.

В большинстве рассматриваемых в данном исследовании летописей Хоридой – это младший сын Баргу-батора, а его одиннадцать сыновей становятся праотцами одиннадцати хоринских родов. Мать его сыновей либо никак не упоминается (как в отчете Д. Дарбаева), либо ею является волшебная дева-лебедь (как в Ацагатском очерке), либо две младшие жены Хоридоя с именами Шаралдай и Нагатай (как в летописях Т. Тобоева, В. Юмсунова, Ш.-Н. Хобитуева, Д. Бубеева). Однако наблюдаются и некоторые отклонения от данного порядка. Например, в сочинении А. Саагиева образ хори-тумэтского Хоридой-мэргэна отождествляется с Хорилартай-мэргэном из «Сокровенного сказания», что делает также и праотцом самого Чингисхана. Анонимный же автор «Ацагатского очерка» утверждает, что младшего сына Баргу-батора на самом деле звали Хорид, а человек по имени Хоридой-мэргэн – не сын Баргу-батора, а его зять: «Единственную дочь, которую звали Баргужин-гуа, выдали замуж за хори-тумэтского Хоридой-мэргэна». Возможно, таким образом автор пытался опровергнуть версию А. Саагиева, «разделив» образы из «Сокровенного сказания» праотца хоринцев.

Заключение

Очевидно, что для этнической группы хоринцев образы родоначальников Баргу-батора и Хоридоя представляют исключительную важность. Все значимые летописные сочинения, посвященные их истории, так или иначе обращаются к образам этих первопредков и связанным с ними генеалогическим сюжетам. Этот факт свидетельствует, что циклизация на основе их образов является общим стержнем всех хоринских летописей.

Как отмечает Я. Ассман, «любая спланирующая группа стремится создать и обеспечить за собой места, которые являются для нее не только сценой совместной деятельности, но и символами ее идентичности, а также опорными пунктами воспоминания» [8, с. 40]. Обратившись к данному тезису в контексте рассматриваемых в данном исследовании материалов, можно прийти к выводу, что Баргу-батор, Хоридой и связанные с ними предания генеалогического толка являются этими самыми опорными пунктами для этнической группы хоринцев.

Так, предание о Баргу-баторе может приводиться как исходная точка истории хоринцев либо как связующий элемент, призванный обосновать отношения с индо-тибетским буддийским миром. Сам Баргу-батор в таких сюжетах либо является «монгольским», тибетским, либо его принадлежность к какой-либо территории не обозначается. В образе Хоридоя наблюдается меньшая вариативность, а предание встречается в двух вариантах: предание только о Хоридое, куда могут вкрапляться тотемистический сюжет с волшебной женой-лебедицей и предание о трех братьях.

Через рассмотренные родословные сюжеты и образы первопредков в летописных сочинениях может реализовываться идея о принадлежности хоринцев к чему-то большому (в данном случае это индо-тибетский буддийский мир, монгольская империя), а с другой – обоснование их права на свою самостоятельность (племя Хори или одиннадцать родов как отдельные единицы). Это может проявляться через расположение сюжета в тексте летописи, интертекстуальные связи с другими летописными сочинениями (например, «Сокровенное сказание монголов»), а также через сами образы родоначальников.

Л и т е р а т у р а

1. Цыдендамбаев, Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные / Ц. Б. Цыдендамбаев. – Улан-Удэ : Бурят, кн. изд-во, 1972. – 662 с.
2. Соктоев, А. Б. Становление художественной литературы Бурятии дооктябрьского периода / А. Б. Соктоев. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1976. – 491 с.
3. Бурятские летописи / Составители Ц. П. Ванчикова, Ш. Б. Чимитдоржиев. – Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 1995. – 199 с.

4. Бурядай түүхэ бэшэгүүд / Составитель Ш. Б. Чимитдоржиев. – Улан-Удэ : Бурядай номой хэблэл, 1992. – 240 с. (на бур. яз.).
5. Бадмаева, Л. Б. Летопись Ш.-Н. Хобитуева как памятник письменной культуры бурят / Л. Б. Бадмаева, Г. Г. Очиров. – Улан-Удэ : Бэлиг, 2018. – 288 с.
6. Жамсоев, А. Д. Ацагатский очерк о хори-бурятах / А. Д. Жамсоев, Л. Б. Бадмаева, Г. Н. Очирова. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2020. – 234 с.
7. Цыренова, Н. Д. Об одном историческом сочинении бурятского летописца Д. Бубеева / Н. Д. Цыренова, И. Д. Ван // Сборник Международной научной конференции «Эпос “Гэсэр”» – духовное наследие народов Центральной Азии». – 2020. – С. 212–214.
8. Ассман, Я. Культурная память : Письмо, память прошлым и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
9. Цендина, А. Д. Монгольские летописи XVII-XIX веков: повествовательные традиции / А. Д. Цендина. – Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 2007. – 267 с.
10. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Юань чао би ши. Монгольский обыденный изборник. Введение в изучение памятника / Пер., тексты, глоссарии С. А. Козина. – Москва ; Ленинград : Изд. АН СССР, 1941. – Т. 1. – 620 с.

References

1. Tsydendambaev TB. Buryat historical chronicles and genealogies. USSR: Ulan-Ude, Buryatskoe knizhnoe izdatelstvo, 1972:662.
2. Soktoev AB. Formation of fiction literature of Buryatia in the pre-October period. USSR: Ulan-Ude, Buryatskoe knizhnoe izdatelstvo, 1976:491.
3. Vanchikova TP, Chimitdorzhiev SB. (eds) Buryat chronicles. USSR: Ulan-Ude, Buryatskoe knizhnoe izdatelstvo, 1995:199.
4. Chimitdorzhiev SB. Historical chronicles of the Buryats. USSR: Ulan-Ude, Buryatskoe knizhnoe izdatelstvo, 1992:240. (in. Buryat)
5. Badmaeva LB, Ochirova GG. The chronicle of Sh.-N. Khobituev as a monument of the written culture of the Buryats. Russia: Ulan-Ude, Belig, 2018:288.
6. Zhamsoev AD, Badmaeva LB, Ochirova GN. Atsagat essay about the Khor-Buryats. Russia: Ulan-Ude, Bulletin of the Buryat Scientific Center, 2020:234.
7. Tsyrenova ND, Van ID. About one historical work by the Buryat chronicler D. Bubeev. Sbornik Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Epos “Geser” – duhovnoe nasledie narodov Centralnoy Azii», 2020:212-214.
8. Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. Transl. by Sokolskaya MM. Russia: Moscow, Languages of Slavic Cultures, 2004:368.
9. Tsendina AD. Mongolian manuscripts of the 17th-19th centuries: the narrative traditions. Russia: Moscow, Russian State University for the Humanities, 2007:267.
10. Kozin AS (ed.) Secret History. Mongolian Chronicle of 1240. Yuan Chao Bi Shi. Mongolian Everyday Collection. USSR: Moscow-Leningrad, Izdatelstvo Akademii Nauk, 1941;1:620.

ДЕБЕНОВА Зинаида Анциферовна – аспирант, стажер-исследователь лаборатории «Центр переводов с восточных языков», ФГБУН «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии» СО РАН.

E-mail: debenova@gmail.com

Zinaida A. DEBENOVA – Postgraduate Student, Research-Assistent, “Center for Translations from Oriental Languages”, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan studies SB RAS.